

СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ ВСЕМИРНО-ИСТОРИЧЕСКОГО ПРОЦЕССА*

Введение. В советской науке исторический процесс представлялся в форме линейного однонаправленного развития общественно-экономических формаций. В годы перестройки возобладало мнение о том, что формационная теория должна быть заменена теорией цивилизаций. Впоследствии распространилось компромиссное мнение о необходимости «синтеза» между этими двумя подходами. Между тем в настоящее время в социальных науках и истории существуют не две (!), но четыре группы теорий, которые по-разному объясняют основные законы возникновения, дальнейшего изменения, а иногда гибели сложных человеческих систем. Кроме различных однолинейных теорий (марксизм, неозволюционизм, теории модернизации и др.) и цивилизационного подхода, существуют многолинейные теории, согласно которым существует несколько возможных вариантов социальной эволюции, а также мир-системный подход, моделирующий циклы экономического, социального и культурного роста/упадка различных центров и периферии. Целью данной статьи является показать современное состояние различных теорий и перспективы их использования в современной российской науке.

Формационный подход. В нашей стране практически до начала перестройки были распространены только марксистские схемы исторического развития. Наибольшее распространение получила ортодоксальная схема пяти формаций (так называемая «пятичленка»), которая была сформулирована в ряде катехизических текстов, начиная с «Манифеста коммунистической партии» включительно до «Краткого курса истории ВКП(б)». Наиболее полно эта концепция была сформулирована в популярном произведении Ф.Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства». Ее суть заключается в том, что человечество проходит в своем развитии пять последовательных этапов – первобытно-общинную, рабовладельческую, феодальную, капиталистическую и

коммунистическую формации. Данная схема в форме непререкаемой догмы вошла во все учебные и справочные марксистские издания.

Между тем данная схема не была изобретена непосредственно Марксом. В. П. Илюшечкин убедительно показал, что идея деления истории на три стадии (античную – средневековую – современную-modern) была широко распространена в европейской науке нового времени. Мыслители XVIII–XIX вв. экстраполировали ее на весь мир, в частности истоки Марксовой периодизации истории можно найти в схемах Сен-Симона и Г. Гегеля [1]. Если говорить о зрелых сочинениях собственно Маркса, то скорее он придерживался деления на «первичную» (первобытную) и «вторичную» (антагонистическо-классовую) формации, которые должны смениться третьей формацией – коммунизмом. «Вторичная» формация делилась им на стадию «личной» зависимости (азиатский, античный и феодальный способы производства) и стадию «вещной» зависимости – капитализм [2; 3 и др.].

Так называемые «творческие марксисты» воспринимали пятичленную схему как главный ошибочный конструкт марксистской теории, и именно против нее были направлены их основные критические высказывания. В большей степени развитие творческого марксизма в СССР следует связывать с дискуссией об азиатском способе производства. Дискуссии азиатского способа производства посвящена обширная историография [4–10].

Первая дискуссия (1925–1931 гг.) была вызвана ростом национально-освободительного движения в странах Азии и Африки, стремлением Советского правительства экспортировать пролетарскую революцию на Восток. Интерес к этой теме у марксистских теоретиков был стимулирован еще и особым отношением Маркса к Востоку. Однако после разгрома «азиатчиков» (т. е. сторонников концепции азиатского способа производства) в советской науке утвердилась пятичленная схема формаций Сталина – Энгельса.

* Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ (01-06-07004).

Начало второй дискуссии об азиатском способе производства (1957–1971 гг.) было обусловлено рядом обстоятельств: ростом антиколониального движения после Второй мировой войны, публикацией некоторых неизвестных работ Маркса, насаждением марксизма в странах Восточной Европы, оживлением общественной и культурной жизни после XX съезда КПСС. В ходе дискуссии было выдвинуто несколько обоснований концепции азиатского способа производства. В конечном счете дискуссия вылилась в обсуждение многих актуальных проблем теории исторического процесса. Особо следует также отметить «ревизионистские» концепции западных авторов, в которых подчеркивалось сходство азиатского способа производства и социализма [11; 12], мнение А. Я. Гуревича о «личностном» характере докапиталистических обществ [13; 14].

После свержения Хрущева начался курс на «закручивание гаек» и дискуссия постепенно была свернута. Однако обсуждение поднятых вопросов не прекращалось, и поэтому можно говорить, что третья дискуссия (1971–1991 гг.) состояла из «полуподпольного» периода в годы «застоя» и периода активного обмена мнениями в годы «перестройки». Пик дискуссии пришелся на 1986–1991 гг., когда на страницах журнала «Народы Азии и Африки» развернулся обмен мнениями между сторонниками различных концепций. Было высказано много разных точек зрения об особенностях эволюции обществ Востока. В этот период сформировались новые формационные схемы, отличные от схемы пяти формаций, которые пользуются определенной популярностью и в постсоветский период. В одних концепциях формаций шесть – между первобытностью и рабовладением исследователи располагают «азиатский (политарный) способ производства» [15–20; и др.]. В других, более популярных схемах формаций четыре – вместо рабовладения и феодализма «большая феодальная формация» [21; 22] или единая докапиталистическая формация – «сословно-классовое общество» [23–26; и др.].

Кроме однолинейных формационных схем, появились многолинейные, фиксирующие отличия развития западной цивилизации и незападных обществ. Некоторые исследователи пытаются соединить принципы стадийности и многолинейности. Они выделяют на добуржуазной стадии вторичной мегаформации несколько возможных моделей развития [27–31; и др.]. Многие авторы в СССР уже откровенно писали о большом значении концепции азиатского способа производства для понимания природы социализма и истории России в целом [32–35].

К середине 1990-х гг. можно говорить о научной смерти пятичленной схемы формаций. Даже ее главные защитники в последние десятилетия

XX в. признали ее несостоятельность. В. Н. Никифоров в октябре 1990 г., незадолго до своей кончины, на конференции, посвященной особенностям исторического развития Востока, публично признался, что четырехстадийные концепции Ю. М. Кобищанова или В. П. Илюшечкина более адекватно отражают ход исторического процесса. Через несколько лет после этого другой известный идеолог пятичленной схемы ориенталист И. Я. Дьяконов в своей последней книге выделил семь основных фаз исторического развития: первобытную, первобытнообщинную, раннюю древнюю, имперскую древность, средневековье, абсолютистское постсредневековье, капитализм, посткапитализм [36]. В первом томе «Истории древнего Востока», написанном в прошлом сторонниками концепции И. М. Дьяконова, также чувствуется влияние времени. Авторы по традиции предпочитают писать о «древности» как об особой стадии, но они уже не держат жестко за рабовладение как за основной уклад [37]. Только кое-где в учебной литературе по старинке еще попадаются устаревшие тезисы о рабовладельческом характере древних обществ.

Кризис коснулся не только марксистского понимания изображения исторического процесса, но и затронул концептуальное «ядро» парадигмы – категорию «общественно-экономическая формация». В настоящее время одни авторы призывают либо к «формационно-цивилизационному синтезу», другие – к необходимости замены «устаревшего» формационного подхода более «современным» цивилизационным. Впрочем, в последнем случае нередко за новое выдается хорошо забытое старое. Вместо однолинейной формационной схемы предлагают использовать устаревшую конструкцию А. Фергюссона – Л. Моргана – Ф. Энгельса «дикость – варварство – цивилизация». Высказываются и более «кардинальные» решения, например предложение переименовать «формации» в «цивилизации», вследствие чего на свет появились «рабовладельческая», «феодальная» и др. цивилизации [38]. Подобный подход входит в русло стадийных интерпретаций, не предполагает необходимости разработки специальной методологии цивилизационных исследований.

Теории модернизации. Идея деления на доиндустриальную и индустриальную стадии была повторена после Маркса в XIX в. немецким социологом Ф. Теннисом в его работе «*Gemeinschaft und Gesellschaft*». Впоследствии последняя концепция легла в основу теорий модернизации. В научном смысле модернизация – это процесс социально-экономического, культурного и политического преобразования традиционного общества в индустриальное, формирования либерально-демократических

институтов, правового государства и гражданского общества.

Экономическая модернизация предполагает существенную интенсификацию сельского хозяйства и масштабную индустриализацию, развитие транспортных средств, связи и коммуникаций, создание рыночной экономики, демографический и урбанизационный рост. Культурная модернизация предполагает создание человека иного типа, ориентированного не на традиционные ценности, а на рационализм, индивидуализм и персональные достижения и рыночную экономику. Все это предполагает преобразование традиционной политической системы. В капиталистическом мире ослабевает зависимость индивидов и общественных групп от власти, государство начинает восприниматься не как «сила, стоящая над обществом», а как особый институт, выполняющий важные организационные функции в обществе и, в силу этого, существующий за счет доли налогов (теории «общественного договора»). Создается законодательная база, защищающая частную собственность и предпринимательство, закрепляющая демократические свободы, избирательное право и процедуры периодической смены власти [39–43; и др.].

Сторонники теории модернизации выделяют, как правило, первобытную (доисторическую), доиндустриальную, индустриальную и постиндустриальную стадии развития. Переход от стадии к стадии они связывают с тремя революционными событиями: соответственно переходом к сельскохозяйственной экономике, созданием машинной техники и открытием новых видов топлива, информационной революцией.

Принято выделять несколько волн модернизации. Первичная модернизация затронула в основном общества Западной Европы XVI–XIX вв. К странам второго этапа модернизации обычно относят государства Восточной и Южной Европы, Россию, Японию и Турцию. Третий эшелон модернизации – современные страны Азии, Африки и Латинской Америки. Большинство из них так и находятся на «периферии» современной «мир-системы». Некоторым удалось достигнуть определенных успехов на пути модернизации (Индия, крупные государства Латинской Америки). Наконец, часть стран («азиатские драконы») добилась серьезных достижений.

Было бы неправильно считать, что механизмы политической модернизации реализовывались автоматически. Большая часть стран, прошедших через модернизацию и входящая в «ядро» и «полупериферию» «мир-системы» в той или иной степени была затронута авторитарными процессами (диктатура Кромвеля в Англии, бонапартизм во Франции, Япония эпохи Мэйдзи, кемализм в Турции, фашизм в Ита-

лии и Германии, авторитаризм в Южной Корее и т. д.). Одно из немногих исключений – США, которым удалось избежать авторитаризма на пути построения либерального общества.

Необходимо иметь в виду, что в применении к доиндустриальным и неевропейским обществам познавательная ценность концепций модернизации имеет серьезные методологические ограничения, поскольку большинство из них основаны на абсолютизации экономических и политических принципов капитализма. Процессы модернизации не реализуются автоматически. Очень часто цели прямого воздействия искажаются цивилизационными (если речь идет, например, о воздействии на китайское или исламское общество) или архаическими и традиционными особенностями трансформирующегося общества. Осторожно также следует относиться к одному из основных постулатов модернизационных теорий (истоки данного предположения в либеральной идеологии XIX в.), согласно которому экономическая модернизация обязательно должна сопровождаться постепенной политической демократизацией. Наконец, у теорий модернизации есть еще один серьезный методологический недостаток. Они рассматривают все изменения только в линейной плоскости, тогда как исторический процесс часто оказывается сложнее прогрессивистской модели, но и нередко подвержен определенным циклическим флуктуациям.

Тем не менее в нашей стране с начала «перестройки» теория модернизации получила значительное распространение. Большинство работ, написанных с позиции данной методологии, было посвящено «догоняющей» модернизации России. Первое концептуальное исследование в этой области – капитальный трехтомник А. С. Ахиезера о русской цивилизации [44]. Написанная сложным логическим языком (целый том в книге посвящен понятийному аппарату) книга, по сути дела, описывает специфические особенности российского опыта, исходя их разрыва между традиционностью российского крестьянства и западническими модернизаторскими устремлениями политической и культурной элиты общества. Генеральная идея здесь заключается в том, что Россия так и не прошла законченную модернизацию и к началу революции 1917 г. вновь оказалась в путях традиционализма.

Впоследствии в России было написано много работ на данную тему и с подобными же выводами [45–50; и др.]. Количество же работ о российской модернизации на европейских языках просто бесчисленно [51; 52]. В целом популярность в отечественной исторической науке теории модернизации может быть объяснена ее близостью к формационному подходу. Некоторые новые интерпретации исторического про-

цесса в отечественной науке в целом вписываются в генеральные концепции модернизации. Так, Н. С. Розов выделяет четыре основные экономические стадии: общества с присваивающим хозяйством, общества с агроремесленными технологиями, индустриальные общества и общества с сервисными технологиями. Этим стадиям соответствуют пять фаз развития общества: первобытность, варварство, ранняя древность, зрелая древность – средневековье, новое время, сензитивная, современная стадия [53–55].

Неоэволюционизм представляет собой одно из влиятельных направлений в зарубежной антропологии (этнологии). Самая ранняя неоэволюционистская интерпретация истории человечества основывалась на разграничении обществ по количеству абсорбируемой из внешней среды энергии. Л. Уайт выделял в культурной эволюции аграрную, топливную и термоядерную «энергетические революции». Он полагал, что в развитии человеческой культуры можно выделить два этапа: «примитивное» общество и цивилизацию [56].

Одна из наиболее популярных неоэволюционистских схем была окончательно сформулирована уже в 1960-е гг. американскими антропологами Э. Сервисом и М. Салинзом. Первой формой объединения людей, по его мнению, были локальные группы. Они имели эгалитарную (от фр. «égalité» – равенство) общественную структуру, аморфное руководство наиболее авторитетных лиц. С переходом к производящему хозяйству (земледелию и животноводству) возникают общины и племена, появляются институт межобщинного лидерства, возможно, ранние формы системы возрастных классов (дети, подростки, юноши, мужчины, старики). Следующая стадия – вождество (англ. *chiefdom*). В вождестве возникает социальная стратификация, отстранение масс от процесса принятия решений. Позиции правителей вождеств основываются на контроле ресурсов и перераспределении прибавочного продукта. С вызреванием государства центральная власть получает монополию на узаконенное применение силы. На этой стадии появляются письменность, цивилизация, города [57–59].

Эта схема впоследствии неоднократно уточнялась и дополнялась (см., например: [60]). Из нее, в частности, после нескольких дискуссий было исключено племя как обязательный этап эволюции. В некоторых работах исследователи предпочитают разделять уже сформировавшееся «индустриальное» государство (государственно-нацию) и государство доиндустриальной эпохи. Часто для последних обществ вводят термины «архаическое» государство, «раннее» государство и т. д. Разработка теории раннего государства велась под руководством голландского по-

литантрополога Х. Дж. М. Классена. В состав участников проекта входили ученые из различных стран Европы и Америки, и в том числе из бывшего Советского Союза [61–64; и др.].

Концепция другого известного американского исследователя М. Фрида включает четыре уровня: эгалитарное, ранжированное и стратифицированное общества, государство. В эгалитарных обществах существуют отношения реципрокации и половозрастная дифференциация. В ранжированных обществах появляются реди-стрибуция и основанная на престиже дифференциация. В стратифицированных обществах деление на статусы дополняется неравенством доступа к основным экономическим ресурсам. Наконец, на государственной стадии появляются классы, частная собственность и эксплуатация [65].

Современные представления о социальной эволюции, как это показал в своем блестящем обзоре неоэволюционизма Х. Классен, значительно более гибки. Очевидно, что социальная эволюция не имеет заданного направления. Многие из эволюционных каналов не ведут к росту сложности, барьеры на пути возрастания сложности просто огромны; наконец, стагнация, упадок и даже гибель являются столь же обычными явлениями для эволюционного процесса, что и поступательный рост сложности и развитие структурной дифференциации. Можно согласиться с его определением социальной эволюции как качественной реорганизации общества из одного структурного состояния в другое. Не чужды для современного неоэволюционизма и идеи о многолинейности культурной эволюции [66; 67].

В отечественной науке неоэволюционистские идеи популярны в основном среди археологов и этнографов-антропологов, занимающихся проблемами политогенеза. Здесь можно отметить большое количество работ по теории вождества, происхождению государства, многолинейности исторического развития в доисторические периоды и в древности [68–78; и др.].

Цивилизационный подход. Считается, что основные идеи циклического понимания истории были сформулированы еще в работах Дж. Вико. Однако наиболее четко данный подход впервые был изложен в книге Н. И. Данилевского «Россия и Европа». В западной науке безусловным приоритетом является книга О. Шпенглера «Закат Европы». Но наиболее обстоятельно цивилизационная теория была сформулирована в 12-томном сочинении А. Тойнби «Изучение истории» [79]. Тойнби выделил около 30 цивилизаций, отличающихся уникальными неповторимыми чертами. Причинами возникновения цивилизаций служили «вызовы» внешней среды. Каждая из цивилизаций проходила в своем развитии стадии воз-

никновения, роста, надлома и распада. Внутренняя структура цивилизаций основывалась на функциональном членении на «творческое меньшинство», массы, «пролетариат».

В науке советского времени, по сути, интерпретатором цивилизационного подхода был Л. Н. Гумилев. Он рассматривал историю человечества как процесс взаимодействия отдельных крупномасштабных систем – «суперэтносов». Можно найти много общего с концепцией Тойнби. Жизнь каждого «суперэтноса» равнялась 1 200–1 500 лет, в течение которых они переживали фазы рождения, взлета и упадка. Динамика этнических процессов обусловлена энергетическими толчками, активностью «пассионариев» – наиболее деятельной части населения [80; и др.].

В годы перестройки и постсоветское время немалое число отечественных исследователей начали пропагандировать цивилизационный подход, полагая, что он-то и сможет стать действенным лекарством от догматического советского марксизма [81; 82].

При этом можно выделить несколько различных интерпретаций цивилизационного подхода:

– цивилизация – это локальный, региональный вариант развития какой либо формации (например, «китайский феодализм» и т. д.);

– цивилизация – это послепервобытная стадия (или стадии) исторического развития. По сути дела, работы подобной направленности укладываются в русло стадиалистских интерпретаций истории;

– цивилизационный подход предполагает перемещение спектра исследований с «базиса» (т. е. изучения социально-экономических отношений, классовой структуры и пр.) на «надстройку» (ментальность, идеологию, религию и т. д.);

– история цивилизаций – это история многих крупномасштабных локальных исторических паттернов. Число цивилизаций выделяется разными авторами от нескольких единиц до нескольких десятков.

Из всех перечисленных интерпретаций только последняя соответствует классической цивилизационной теории Данилевского – Шпенглера – Тойнби. В отличие от стадияльных теорий она рассматривает исторический процесс в другой плоскости, не в диахронной «вертикали», а в пространственном «горизонтальном» измерении. Однако способна ли она преодолеть западно-центристские недостатки стадиалистских интерпретаций истории?

Уже давно обнаружилось слабые стороны цивилизационного подхода. Во-первых, не удалось выявить объективных критериев, по которым выделяются цивилизации. По этой причине их число сильно отличается у разных

авторов [83] и возможны различные спекуляции (вплоть до сведения всякого этноса к особой «цивилизации»). Во-вторых, не верно отождествление цивилизаций с живыми организмами. Время существования цивилизаций различно, периоды взлета и упадка могут случаться неоднократно. В-третьих, причины генезиса и упадка разных цивилизаций различны. В-четвертых, цивилизационная уникальность не противоречит возможности распространения на них универсальных общеисторических закономерностей («осевое время», «глобализация» и др.).

Если в последней четверти XX в. многие рассчитывали, что внедрение цивилизационной методологии позволит отечественным историкам избежать теоретического отставания от зарубежных коллег, то в наше время с подобными иллюзиями следует расстаться. Цивилизационная теория, популярная в мировой науке еще полвека назад, ныне находится в кризисном состоянии. Зарубежные ученые предпочитают обращаться к изучению локальных сообществ, проблематике исторической антропологии, истории повседневности [84].

Современные приверженцы цивилизационного подхода уделяют большое внимание сравнительному исследованию цивилизаций. Дж. Хорд конструирует генеалогическое древо цивилизаций, в которых пытается проследить ряд последовательностей исторического развития [85]. Шунтаро Ито создает схему, в которой пытается учесть пространственно-временные особенности жизни каждой из 23 основных цивилизаций, их взаимовлияние друг на друга, общеисторические глобальные сдвиги («городская», «осевая», «научная» революции) [86]. Благодаря изданию под редакцией Н. С. Розова альманаха «Время мира» отечественные читатели имеют возможность познакомиться с переводами наиболее важных публикаций в этой области. Однако, к сожалению, собственный вклад отечественных исследователей в разработку цивилизационной теории на настоящее время невелик.

Многолинейные теории. Промежуточное положение между линейными интерпретациями исторического процесса и цивилизационным (дискретным) объяснением истории занимают многолинейные теории [87]. Существует развитая многолинейная традиция, истоки которой находятся в идеях К. Маркса и Ф. Энгельса об азиатском способе производства. Первая идея была сформулирована Марксом в «Экономических рукописях 1857–1861 гг.», в том месте, где он анализировал формы, предшествующие капитализму. Маркс выделил три формы *Gemeinwesen*: азиатскую, античную и германскую, которые можно интерпретировать как самостоятельные модели перехода к государственности. Вторая идея была сформулирована

Ф. Энгельсом в «Анти-Дюринге», где он, соглашаясь с замечаниями Маркса, высказал предположение о двух путях становления государства – восточном и античном.

Наиболее авторитетно билинейная теория была сформулирована в «Восточной деспотии» К. Виттфогеля. Для западного пути развития характерно формирование общества с частной собственностью, политическим равноправием граждан, ограниченными законами правовым государством. Наиболее ярко данная модель эволюции была воплощена в античных полисах. Некоторые исследователи прослеживают ее определенные признаки в обществах горских народов. Для восточного общества частная собственность имеет подчиненное значение, положение человека определяет его власть, место в иерархии управления. В обществе нет граждан, есть только подданные [11]. Многие другие «азиатчики» – сторонники азиатского способа производства – также высказывались в 1950–1980-е гг. в поддержку билинейной теории.

В последние два десятилетия XX в. эти идеи были развиты и скорректированы в соответствии с новейшими достижениями политической антропологии в работах Л. С. Васильева. Он полагает, что генеральной линией социальной эволюции является процесс постепенной трансформации автономных общинных образований в вождества, а из них – в ранние и затем – в зрелые государства. Этот процесс происходил на основе монополизации доступа к управлению и контролю над производством и перераспределением. Так как власть и место в иерархии определяют статус индивида, частная собственность имеет подчиненный характер. В обществе нет граждан, есть подданные. В результате складывался государственный (Л. С. Васильев считает, что этот термин более удачен, чем термин «азиатский» в силу его универсальности) способ производства. Европейская структура (частнособственнический способ производства) представляет собой «мутацию», прообраз которой восходит к финикийской модели. Однако наиболее последовательно данный способ производства реализовался в античной Греции и Риме. Для этой модели общества характерны товарные отношения, частная собственность, политическое равноправие граждан полиса. Право было ориентировано на соблюдение законности и защиту интересов граждан. Это, в конечном счете, обусловило динамику развития Западной Европы и привело в новое время к формированию правового государства и гражданского общества [88; и др.].

Другие исследователи конструировали более сложные модели. Они рассматривали азиатскую, античную и германскую общины и как последовательно более развитые формы Gemeinwesen, и как самостоятельные линии

исторического развития. В таком ключе, например, написаны работы Ю. В. Павленко и Ф. Текеи [89]. А. И. Фурсов считает, что марксовы Gemeinwesen являются стадиями последовательного освобождения субъектных качеств человека от его коллективного начала. Всемирно-исторический процесс разворачивается в двух плоскостях: тупиковой азиатской, где система доминирует над индивидом, и прогрессивной западной, где в каждой более высокой социальной форме осуществляется последовательная эмансипация субъекта [93; 94]. Согласно М. Годделье, азиатская и античная формы являются тупиковыми, так как ведут соответственно только к азиатскому и к рабовладельческому способам производства. Лишь германская форма Gemeinwesen приводит к феодализму, а от него к капиталистическому обществу [95]. Даже Япония импортировала капитализм с Запада. Итальянский исследователь Мелотти доводит число вариантов эволюции уже до пяти. Он дополняет Gemeinwesen славянской общины, которой соответствует «русский» путь к бюрократическому социализму, а также особый тип архаической Gemeinwesen, предшествовавший японскому феодализму и капитализму [96].

Не вписываются в данные модели горские народы. У многих горских народов участие масс в политической деятельности приводило к блокированию развития антидемократических тенденций. М. А. Агларов [97] проводит прямые аналогии между общинными порядками Нагорного Дагестана и древнегреческими полисами. Он опирается на политическую теорию Ш. Монтескье. Согласно «закону Монтескье», размеры общества коррелируются с типом политического режима. Для маленьких обществ характерна республика, для средних – монархия, для больших – деспотия. В такой позиции есть своя логика, поскольку значительная территория действительно предполагает большие административные усилия власти (единственное бросающееся в глаза исключение – США). Небольшая территория позволяет населению обеспечивать эффективный контроль за «управителями», препятствовать отдельным лицам монополизации политической власти, а в случае необходимости – ввести прямое демократическое правление.

Настаивая на еще большей распространенности «полисного» варианта развития, Ю. Е. Березкин убедительно доказал, что альтернативная вождеству социально-политическая организация была характерна не только для горских народов. Он сопоставляет археологическую модель вождества с данными раскопок ряда доисторических обществ Передней Азии и Туркменистана. Просчитав возможную численность населения этих обществ, он приходит к выводу, что численность их населения соответ-

ствуется численности населения типичных вожеств. Однако археологические критерии чифдомов в этих культурах отсутствовали: вместо иерархической системы поселений – дисперсное расселение общин; вместо резкой грани между элитой и простыми общинниками – слабое проявление имущественного и / или социального неравенства; вместо монументальной храмовой архитектуры – множество небольших (семейных?) мест для отправления ритуалов. Ю. Е. Березкин находит этноисторические аналогии в обществе апатани Восточных Гималаев [68; 73; 98; 99; и др.].

А. В. Коротаев [100–102; и др.] дополнительно привлек внимание к так называемым горским обществам в связи с проблемой «греческого чуда». Он показал, что децентрализованные политические системы горских сообществ имеют принципиальное сходство с греческими полисами. Коротаев значительно расширил список подобных полисам обществ историческими и этнографическими примерами из Европы, Африки и Азии. Демократический характер политической организации горских обществ, полагает Коротаев, следует считать закономерным. Это было обусловлено рядом взаимосвязанных причин. Небольшие размеры обществ предполагали прямое участие всех членов общества в политической жизни (закон Монтескье). Пересеченный рельеф не способствовал объединению общин горцев в более крупные иерархические структуры (например, в вожества), а также препятствовал подчинению горцев равнинным государствам соседей. Подобную защитную роль от соседей могли выполнять не только горы, но и болота (Белоруссия), моря, пустыни, безжизненные территории, а также сочетание тех или других (Карфаген, средневековая Исландия, Дубровник, Запорожская Сечь и подобные ей «вольные общества»). Разумеется, Коротаев признает, что одна только эта причина не может объяснить феномен «греческого чуда», равно как и то, что далеко не все горские общества были демократическими (например, империя Инков). Однако, вне всякого сомнения, особенности демократического устройства ряда древнегреческих полисов основываются именно на вышеперечисленных закономерностях.

Развивая эти идеи, израильский политантрополог Моше Берент считает, что классический полис не может считаться государством. Полис был «безгосударственным обществом», в доказательство чего Берент приводит большое число разнообразных аргументов [103; и др.]. В полисе не существовало готового государственного аппарата, а контроль над управлением обществом осуществлялся всеми его гражданами. Несколько ранее, в 1989–1991 гг., на страницах журнала «Вестник древней истории» уже про-

шла подобная дискуссия о характере римской государственности. Зачинатель полемики Е. М. Штаерман выступила с точкой зрения очень похожей на позицию Берента. По ее мнению, классический римский полис периода республики не может считаться государством. Аппарат исполнительной власти был ничтожно мал. Не было прокуратуры и полиции. Не было ни налогов, ни аппарата для их сбора. Подати с провинций и рента за общественные земли собирались откупщиками. Истец сам обеспечивал явку ответчика в суд и сам же должен был заботиться об исполнении приговора. Все это свидетельствует, по ее мнению, о том, что «в Риме того времени по существу не было органов, способных принудить исполнять законы, да и сами законы не имели санкции» [104]. В качестве этапов на пути к государственности Штаерман рассматривает диктатуру Суллы, правление Помпея, первый триумвират, триумф Цезаря. Но только при Августе был завершен процесс создания государства (административный аппарат, преторианская гвардия, когорты стражи, профессиональная армия).

Признание греческого и римского обществ безгосударственными заставляет совершенно по-иному посмотреть на многие вопросы. Если принять точку зрения, что полис не является государством, то следует признать, что совсем не обязательно безгосударственное общество должно быть первобытным, и, следовательно, цивилизация не обязательно предполагает существование государственности. Этот тезис подтверждается исследованиями по истории кочевников-скотоводов.

Еще одним альтернативным государству вариантом является социальная эволюция сложных обществ степных кочевников Евразии – «кочевых империй». Снаружи эти империи выглядели как деспотические завоевательные государства, так как были созданы для изъятия прибавочного продукта извне степи. Но внутри империи кочевников оставались основанными на племенных связях без установления налогообложения и эксплуатации скотоводов. Сила власти правителя степного общества основывалась на его умении организовывать военные походы и перераспределять доходы от торговли, дани и набегов на соседние страны. Кочевники-скотоводы выступали в данной ситуации как класс-этнос и специфическая ксенократическая (от греч. «ксено» – наружу и «кратос» – власть) или экзополитарная (от греч. «экзо» – вне и «полития» – общество, государство) политическая система. Образно можно сказать, что они представляли собой нечто вроде «надстройки» над оседло-земледельческим «базисом». Вне всякого сомнения, данную политическую систему нельзя считать государством. Однако это не свидетельство того, что такая структура

управления была примитивной. Как было показано выше, греческий и римский полисы также не могут считаться государствами. Но как быть с кочевниками, каким термином описать существо их политической системы? Учитывая ее негосударственный характер и развитую иерархическую структуру, было предложено характеризовать «кочевые империи» как суперсложные вожества [105–109; и др.].

Мир-системный подход. В последние десятилетия в российской науке много пишут о необходимости «синтеза» между стадийными и цивилизационными подходами. Так, как это предлагают сделать вчерашние ортодоксальные марксисты, принципиально невозможно. В то же время уже несколько десятилетий существует мощное теоретическое направление – мир-системный подход, в рамках которого методологический синтез между стадийным видением истории и видением истории как совокупности различных крупных локальных систем осуществился.

Поскольку в отечественной науке имеются хорошие обзоры мир-системного подхода, нет смысла подробно пересказывать содержание концепции в настоящей работе [110–113; и др.]. Необходимо отметить только наиболее важные положения и новые данные. У истоков мир-системного подхода стоял французский историк Ф. Бродель. В его трехтомнике, посвященном генезису капиталистической цивилизации, идет речь о взаимосвязывающей все общества «мир-экономике». У нее имеется свой центр (со своим «сверхгородом»; в XIV в. им была Венеция, позднее центр переместился во Фландрию и Англию, отсюда в XX столетии – за океан в Нью-Йорк), второстепенные, но развитые общества, окраинная периферия. Торговые коммуникации связывают разные регионы и культуры в единое макроэкономическое пространство [114].

Эти идеи были развиты И. Валлерстайном [115–117]. Главной единицей развития Валлерстайн избирает не «национальное государство», а социальную систему. Системы имеют определенную логику функционирования и развития. Они основаны на определенном «способе производства». И. Валлерстайн понимает термин «способ производства» как особую форму организации трудового процесса, в рамках которой посредством какого-либо разделения труда осуществляется воспроизводство системы в целом. Главным критерием классификации (и одновременно периодизации) способов производства у Валлерстайна выступает способ распределения. В этом он следует идеям К. Поланьи. Соответственно выделяются три способа производства и три типа социальных систем:

1) реципротно-линейные минисистемы, основанные на отношениях взаимообмена;

2) редистрибутивные мир-империи (в сущности, это и есть «цивилизации» А. Тойнби);

3) капиталистическая мир-система (мир-экономика), основанная на товарно-денежных отношениях [118]. Это стадийная составляющая мир-системной теории.

«Мир-империи» существуют за счет дани и налогов с провинций и захваченных колоний, т. е. за счет ресурсов, перераспределяемых бюрократическим правительством. Отличительным признаком «мир-империй» является административная централизация, доминирование политики над экономикой. «Мир-империи» могут трансформироваться в «мир-экономику». Большинство «мир-экономик» оказались непрочными и погибли. Единственная выжившая «мир-экономика» – капиталистическая. Она сформировалась в Европе в XVI–XVII вв., превратилась в гегемона мирового развития (капиталистическую мир-систему), подчинив все другие социальные системы.

Капиталистическая мир-система состоит из «ядра» (наиболее высокоразвитые страны Запада), «полупериферии» (в XX в. страны социализма) и «периферии» (страны третьего мира). Она основана на неэквивалентном разделении труда и эксплуатации между ядром и периферией. Полупериферия подвижна, она выполняет амортизационные функции и нередко является источником различных инновационных изменений. На динамику экономических процессов в современной мир-системе накладываются геополитические процессы, экономические тренды (циклы Кондратьева и др.) разной протяженности.

Один из ключевых вопросов мир-системной теории заключается в том, сколько мир-систем существовало на протяжении человеческой истории. Согласно Валлерстайну, подлинной мир-системой является только мир-система капитализма в течение последних нескольких сот лет. Однако не все принимают его точку зрения. В 1989 г. Ж. Абу-Луход выпустила книгу «До европейской гегемонии», в которой была сформулирована концепция первой мир-системы, возникшей еще в XIII в. Эта система состояла из пяти независимых «ядер»: Западной Европы, Арабского мира, зоны Индийского океана, Китая и Великой степи, объединенной монголами в единое макрополитическое пространство. Значимость этой работы заключается в том, что Абу-Луход первой обосновала единство мира до эпохи гегемона капитализма [119]. Она также попыталась выделить характерные черты до-современной мир-системы, отличающие ее от капиталистической мир-системы [120]. Впоследствии исторический аспект был значительно усилен в работах А. Г. Франка, К. Чейз-Данна и Т. Холла.

А. Г. Франк и его сторонники полагают, что мировая система всего одна, но она насчитывает не 500, а 5 000 лет. За точку отсчета он берет момент возникновения первичных цивилизаций. Франк уделяет большое внимание выявлению связей между периодами роста-упадка мировых систем с экономическими трендами Кондратьева. Для доиндустриальной эпохи, вполне логично полагает он, тренд был более длинным – от 200 до 500 лет. Франк и Гиллс выделяют четыре больших цикла: доклассический (1700–100/50 г. до н. э.), классический (100/50 г. до н. э. – 200/500 г. н. э.), средневековый (200/500–1450/1500) и современный (с XVI в.). Внутри каждого из циклов выделены кондратьевские фазы подъема (А) и спада (В). Так, например, в рамках средневекового цикла выделены два самостоятельных субцикла: А-фаза (500–750/800) – расцвет Византии, Арабского мира, Китая (Суй и Тан), Тюркского каганата; В-фаза (750/800–1000/1050) – упадок Каролингов, Аббасидов, Тан, гибель уйгурского каганата; А-фаза (1000/1050–1250/1300) – завоевания монголов и создание досовременной мир-системы по Абу-Луход; В-фаза (1250/1300–1450/1500) – упадок Афро-Евразии, связанный с эпидемиями) [121; 122].

Чейз-Данн и Холл сформулировали наиболее обоснованную на настоящий момент концепцию исторического развития мир-систем. Понятие «способ производства» они предлагают заменить более точным термином «способ накопления». Способов накопления, естественно, также три: основанный на родственных связях (по сути дела, речь идет о реципрокном обществе), даннический и рыночный. В соответствии с данными способами производства они выделяют три типа мир-систем с подвариантами:

1) основанные на родстве (бесклассовые и безгосударственные системы охотников, собирателей и рыболовов; классовые, но безгосударственные вождества);

2) даннические (первичные государства, первичные империи, мир-системы со многими центрами (например, Месопотамия или Мезо-америка), коммерциализированные даннические мир-системы (например, средневековая Афро-Евразия));

3) капиталистические (капиталистическая, с центром в Европе с XVII в. и современная глобальная) мир-системы [123, 124; и др.].

Взаимосвязь между мир-системами складывается из четырех сетей: сетей большегрузных товаров (BNG), престижных товаров (PGN), политических и военных сетей (PMN), информационных сетей (IN). Самыми широкими являются сети информации и престижных товаров. Какое место занимает каждая из сетей в

динамике мир-систем сейчас является одним наиболее актуальных вопросов.

Заключение. Таким образом, в настоящее время существуют четыре группы теорий исторического процесса – однолинейные интерпретации истории (марксизм, неозволюционизм, теории модернизации и др.), цивилизационный подход, многолинейные теории и мир-системный анализ. В какой степени эти подходы характерны для современной отечественной исторической науки?

Из числа однолинейных теорий формационный подход находится сейчас в состоянии глубокого методологического кризиса. Отдельные положения неозволюционистских теорий используются в работах археологов и этнографов-антропологов. Более популярна в нашей стране теория модернизации. Особенно активно ее используют при интерпретации российской истории. В немалой степени такая популярность объяснима тем, что теория модернизации похожа на теорию формаций. Однако не стоит забывать, что теория модернизации – это типичный интеллектуальный продукт западного мышления. Современный взгляд на мировую историю должен быть более гибким.

Казалось бы, для преодоления западнотризма имеется продуктивная методология в виде цивилизационной и мир-системной теорий. Однако данные подходы пока не очень популярны среди российских авторов. Это обусловлено неразвитостью этой традиции, но не означает, что в будущем ситуация не изменится в лучшую сторону.

В чем преуспели отечественные исследователи, так это в обосновании теории многолинейной эволюции. Отчасти это обусловлено давним интересом неомарксистов к проблематике неевропейских обществ. Однако не нужно умалять и собственный вклад российских авторов, таких как Е. М. Штаерман, Ю. Е. Березкин и особенно А. В. Коротаев.

В качестве причин сложившейся в отечественной науке ситуации следует указать целый комплекс обстоятельств. Прежде всего необходимо отметить критическое нетерпимое отношение к достижениям западной историографии [125]; засилье в общественных науках догматической ортодоксальной марксистской идеологии, имевшее место в советский период (мы не имеем в виду так называемых «творческих» марксистов). Сюда же можно добавить глубокий экономический кризис после 1991 г., разрыв научных коммуникаций, ограничение доступа к важнейшим информационным источникам, оторванность российских гуманитариев от мирового научного сообщества. Но было бы несправедливо искать причины наших собственных бед только во внешних обстоятельствах. Многие представители конкретных наук об об-

ществе (историки, археологи, этнографы, социологи и др.) сами нередко с недоверием и даже пренебрежением относятся к обобщающим концептуальным работам, уровень теоретического мышления многих из нас оставляет желать лучшего. Способны ли мы справиться с этой непростой задачей, зависит не только от финансовых инвестиций государства и различных научных фондов в гуманитарные исследования, но и от нашего собственного желания вписаться в современную науку в качестве одного из равноправных партнеров.

Список литературы

1. *Илюшечкин В. П.* Теория стадийного развития общества (история и проблемы). М., 1996.
2. *Бородай Ю. М., Келле В. Ж., Плимак Е. Г.* Наследие Карла Маркса и некоторые методологические проблемы исследования докапиталистических обществ и генезиса феодализма // Принципы историзма в познании социальных явлений. М., 1972.
3. *Бородай Ю. М., Келле В. Ж., Плимак Е. Г.* Наследие К. Маркса и проблемы теории общественно-экономической формации. М., 1975.
4. *Качановский Ю. В.* Рабовладение, феодализм или азиатский способ производства? М., 1971.
5. *Krader L.* The Asiatic Mode of Production. Assen, 1975.
6. *Нукифоров В. Н.* Восток и всемирная история. 2-е изд. М., 1977.
7. *Sawer M.* Marxism and the Question of the Asiatic Mode of Production. The Hague, 1977.
8. *Tökei F.* Essays on the Asiatic mode of Production. Budapest, 1979.
9. *Dunn S.P.* The Fall and Rise of the Asiatic Mode of Production. L., 1982.
10. *Jaksic M.* Azijski način proizvodnje: istorijat diskusije. Beograd, 1991.
11. *Wittfogel K.* Oriental Despotism. New Haven, 1957.
12. *Garaudy R.* Le probleme chinois. P., 1967.
13. *Гуревич А. Я.* Проблемы генезиса феодализма в Западной Европе. М., 1970.
14. *Гуревич А. Я.* Категории средневековой культуры. М., 1972.
15. *Семенов Ю. И.* Об одном из типов традиционных социальных структур Африки и Азии // Государство и аграрная эволюция в развивающихся странах Азии и Африки. М., 1980.
16. *Семенов Ю. И.* Социально-экономический строй древнего Востока: современное состояние проблемы // Народы Азии и Африки. 1988. № 2.
17. *Семенов Ю. И.* Всемирная история в самом сжатом изложении // Восток. 1997. № 2.
18. *Семенов Ю. И.* Философия истории. М., 1999.
19. *Коранашивили Г. А.* Докапиталистические способы производства. Тбилиси, 1988.
20. *Нуреев Р. М.* Экономический строй докапиталистических формаций. Душанбе, 1989.
21. *Кобищанов Ю. М.* Теория большой феодальной формации // Вопр. истории. 1992. № 4–5.
22. *Кобищанов Ю. М.* Полюдь: явление отечественной и всемирной истории. М., 1995.
23. *Илюшечкин В. П.* Сословно-классовое общество в истории Китая. М., 1986.
24. *Илюшечкин В. П.* Эксплуатация и собственность в сословно-классовых обществах. М., 1990.
25. *Гринин Л. Е.* Философия, социология и теория истории. 2-е изд. Волгоград, 1999.
26. *Гринин Л. Е.* Производительные силы и исторический процесс. М., 2000.
27. *Меликишвили Г. А.* Характер социально-экономического строя на Древнем Востоке // Народы Азии и Африки. 1972. № 4.
28. *Меликишвили Г. А.* Некоторые аспекты вопроса о социально-экономическом строе древних ближневосточных обществ // Вестн. древней истории. 1975. № 2.
29. *Киселев Г. С.* Доколониальная Африка. Формирование классового общества. М., 1975.
30. *Павленко Ю. В.* Раннеклассовые общества. Киев, 1989.
31. *Павленко Ю. В.* Классообразование: становление и модели развития раннеклассовых обществ // Архаическое общество: узловые проблемы социологии развития. М., 1991. Вып. 2.
32. *Шафаревич И. Р.* Социализм как мировое явление. Париж, 1977.
33. *Афанасьев М. Н.* Генезис и социальная сущность бюрократии в СССР: Автореф. дис. ... канд. филос. наук. М., 1989.
34. *Васильев Л. С.* Изучение Востока и проблемы перестройки // Народы Азии и Африки. 1989. № 3.
35. *Стариков Е. Н.* Общество-казарма от фараонов до наших дней. Новосибирск, 1996.
36. *Дьяконов И. М.* Пути истории. М., 1994.
37. *История Востока.* М., 1997. Т. 1: Восток в древности.
38. *Яковец Ю. В.* Ритм смены цивилизаций и исторические судьбы России. М., 1994.
39. *Rostow W.* The Stage of economic growth. A non-communist manifesto. Cambridge, 1960.
40. *Bell D.* The coming of post-industrial society. N. Y., 1973.
41. *Toffler O.* The third wave. N. Y., 1980.
42. *Gellner E.* Plough, Sword and Book. The Structure of Human History. Chicago, 1988.
43. *Lenski G., Lenski J.* Human Societies: An Introduction to Macrosociology. 7th ed. N. Y., 1995.
44. *Ахизер А. С.* Россия: критика исторического опыта. М., 1991. Т. 1–3.

45. Герасимов И. В. Российская ментальность и модернизация // *Общественные науки и современность*. 1994. № 4.
46. Яковенко И. Г. Цивилизация и варварство в истории России // *Общественные науки и современность*. 1995. № 4, 6; 1996. № 3, 4.
47. Лейбович О. Л. Модернизация в России. К методологии изучения современной отечественной истории. Пермь, 1996.
48. Алексеев В. В., Нефедов С. А., Побережников И. В. Модернизация до модернизации: средневековая история России в контексте теории диффузии (к постановке проблемы) // *Уральский исторический вестник*. Екатеринбург, 2000. № 5–6.
49. Алексеев В. В., Побережников И. В. Школа модернизации: эволюция теоретических основ // *Уральский исторический вестник*. Екатеринбург, 2000. № 5–6.
50. *Опыт российских модернизаций*. XVIII–XX века. М., 2000.
51. Крупина Т. Д. Теория «модернизации» и некоторые проблемы развития России конца XIX – начала XX в. // *История СССР*. 1971. № 1.
52. Поткина И. В., Селунская Н. Б. Россия и модернизация (В прочтении западных ученых) // *История СССР*. 1990. № 4.
53. Розов Н. С. На пути к синтезу макроисторических парадигм // *Философия и общество*. 1998. № 4.
54. Розов Н. С. Теоретическая история – место в социальном познании, принципы и проблематика // *Время мира: Альманах*. Новосибирск, 1998. Вып. 1: Историческая макросоциология в XX в.
55. *Разработка и апробация метода теоретической истории*. Новосибирск, 2001.
56. White L. *The Science of the Culture*. N. Y., 1949.
57. Service E. *Primitive Social Organization*. N. Y., 1962.
58. Service E. *Origins of the State and Civilization*. N. Y., 1975.
59. Sahlins M. *Tribesmen*. Englewood Cliffs, 1968.
60. Johnson A. W., Earle T. *The Evolution of Human Societies: From Foraging Groups to Agrarian State*. Stanford (Cal.), 1987.
61. *The Early State*. The Hague, 1978.
62. *The Study of the State*. The Hague, 1981.
63. *Early State Economics*. New Brunswick, 1991.
64. *Ideology and the formation of early state*. Leiden, 1996.
65. Fried M. *The Evolution of Political Society: an essay in political anthropology*. N. Y., 1967.
66. Claessen H. J. M. *Structural Change: Evolution and Evolutionism in Cultural Anthropology*. Leiden, 2000.
67. Классен Х. Дж. М. Проблемы, парадоксы и перспективы эволюционизма // *Альтернативные пути к цивилизации*. М., 2000.
68. Березкин Ю. Е. Апатани и древнейший Восток: альтернативная модель сложного общества // *Кунсткамера. Этнографические тетради*. СПб., 1994. № 4.
69. *Альтернативные пути к ранней государственности*. Владивосток, 1995.
70. *Ранние формы политической организации*. М., 1995.
71. Коротяев А. В. Сабейские этюды. Некоторые общие тенденции и факторы эволюции сабейской цивилизации. М., 1997.
72. Коротяев А. В. Факторы социальной эволюции. М., 1997.
73. *Альтернативные пути к цивилизации*. М., 2000.
74. *Ранние формы социальной организации*. СПб., 2000.
75. *Alternatives of Social Evolution*. Vladivostok, 2000.
76. *Civilizational models of politogenesis*. Moscow, 2000.
77. Бондаренко Д. М. Доимперский Бенин. М., 2001.
78. Крадин Н. Н. Политическая антропология. 2-е изд. М., 2004.
79. Тойнби А. Постигание истории. М., 1991.
80. Гумилев Л. Н. Этногенез и биосфера земли. Л., 1989.
81. Барг М. А. Категория «цивилизация» как метод сравнительно-исторического исследования // *История СССР*. 1991. № 5.
82. Шемякин Я. Г. Проблема цивилизации в советской научной литературе 60-х – 80-х годов // *История СССР*. 1991. № 5.
83. Уэскотт Р. Исчисление цивилизаций // *Время мира: Альманах*. Новосибирск, 2001. Вып. 2: Структуры истории.
84. Ионоу И. Н. Теория цивилизаций и эволюция научного знания // *Общественные науки и современность*. 1997. № 6.
85. Хорд Д. Древо цивилизаций // *Время мира: Альманах*. Новосибирск, 2001. Вып. 2: Структуры истории.
86. Ито Ш. Схема для сравнительного исследования цивилизаций // *Время мира: Альманах*. Новосибирск, 2001. Вып. 2: Структуры истории.
87. Павленко Ю. В. Альтернативные подходы к осмыслению истории и проблема их синтеза // *Философия и общество*. 1997. № 3.
88. Васильев Л. С. История Востока. М., 1993. Т. 1–2.
89. Текеи Ф. К теории общественных формаций. М., 1975.
90. Павленко Ю. В. *Історія світової цивілізації: соціо-культурний розвиток людства*. Київ, 1996.

91. *Павленко Ю. В.* Методологічні засади теорії цивілізаційного процесу: Автореф. дис. ... д-ра філос. наук. Київ, 1996.
92. *Павленко Ю. В.* История мировой цивилизации. Киев, 2002.
93. *Фурсов А. И.* Революция как имманентная форма развития европейского исторического субъекта // Французский ежегодник 1987. М., 1989.
94. *Фурсов А. И.* Восток, Запад, капитализм // Капитализм на Востоке во второй половине XX века. М., 1995.
95. *Godelier M.* La notion de «production asiatique» et les schemas Marxistes d'evolution des societes // Sur le mode de production asiatique. P., 1969.
96. *Melotti K. D.* Marx and the Third World. L., 1977.
97. *Агларов М. А.* Сельская община в Нагорном Дагестане в XVII – начале XIX в. М., 1988.
98. *Березкин Ю. Е.* Вождества и акефальные сложные общества: данные археологии и этнографические параллели // Ранние формы политической организации.
99. *Березкин Ю. Е.* Америка и Ближний Восток: формы социополитической организации в догосударственную эпоху // Вестн. древней истории. 1997. № 2.
100. *Коротаев А. В.* Горы и демократия: к постановке проблемы // Восток. 1995. № 3.
101. *Коротаев А. В., Крадин Н. Н., Лынша В. А.* Альтернативы социальной эволюции (вводные замечания) // Альтернативные пути к цивилизации / Отв. ред. Д. М. Бондаренко, Н. Н. Крадин, А. В. Коротаев, В. А. Лынша. М., 2000.
102. *Bondarenko D. M., Grinin L. E., Korotayev A. V.* Alternative Pathways of Social Evolution // Social Evolution, History. 2002. Vol. 1, № 1.
103. *Берент М.* Безгосударственный полис. Раннее государство и древнегреческое общество // Альтернативные пути к цивилизации / Отв. ред. Д. М. Бондаренко, Н. Н. Крадин, А. В. Коротаев, В. А. Лынша. М., 2000.
104. *Штаерман Е. М.* К проблеме возникновения государства в Риме // Вестн. древней истории. 1989. № 2.
105. *Крадин Н. Н.* Кочевые общества. Владивосток, 1992.
106. *Крадин Н. Н.* Общественный строй кочевников: дискуссии и проблемы // Вопр. истории. 2001. № 4.
107. *Крадин Н. Н.* Империя Хунну. М., 2002.
108. *Скрынникова Т. Д.* Харизма и власть в эпоху Чингисхана. М., 1997.
109. *Кочевая* альтернатива социальной эволюции. М., 2002.
110. *Фурсов А. И.* Критика миросистемного подхода и концепции капитализма И. Валлерстайна. М., 1992.
111. *Фурсов А. И.* Мир-системный анализ и его критики. М., 1996.
112. *Фурсов А. И.* Мир-системный анализ: интерпретация послевоенного периода. М., 1997.
113. *Завалько Г. А.* Всемирная история глазами сторонников мир-системного подхода // Философия и общество. 1998. № 5.
114. *Бродель Ф.* Материальная цивилизация, экономика и капитализм XV–XVIII вв. М., 1986–1992. Т. 1–3.
115. *Wallerstein I.* The Modern World-System. N. Y., 1974. Vol. 1. Capitalist Agriculture and the Origin of the European World-Economy in the Sixteen Century; N. Y., 1980. Vol. 2. Mercantilism and the Consolidation of the European World-Economy 1600–1750; San Diego, 1989. Vol. 3. Second Graet Expansion of the Capitalist World-Economy, 1730–1840's.
116. *Валлерстайн И.* Миросистемный анализ // Время мира: Альманах. Новосибирск, 1998. Вып. 1: Историческая макросоциология в XX в.
117. *Валлерстайн И.* Анализ мировых систем и ситуация в современном мире. СПб., 2001.
118. *Wallerstein, I.* The politic of the world-economy. P., 1984.
119. *Abu-Lughod J.* Before European hegemony: The World-System AD 1250–1350. N. Y., 1989.
120. *Абу-Луход Дж.* Реструктурируя миросистему, предшествующую Новому времени // Время мира: Альманах. Новосибирск, 2001. Вып. 2: Структуры истории.
121. *Gills B., Frank A. G.* World System Cycles, Crises and Hegemonial Shifts 1700 BC to 1700 AD // Review. 1992. Vol. XV, № 4.
122. *Frank A. G., Gills B.* The World System: 500 or 5000 Years? L., 1994.
123. *Chase-Dunn Chr., Hall T.* Rise and Demise: Comparing World-Systems. Boulder, 1997.
124. *Чейз-Данн К., Холл Т.* Две, три, много миросистем // Время мира: Альманах. Новосибирск, 2001. Вып. 2: Структуры истории.
125. *Прядеин В. С.* Историческая наука в условиях обновления: философские основы, принципы познания, методов исследования (историографический анализ): Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Екатеринбург, 1996.

Материал поступил в редколлегию 27.10.2006